

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ПОМНИЛИ ЗАВТРА

и
Николай Серебров

Николай Серебров

Человек, которого помнили завтра

«Автор»

2026

Серебров Н.

Человек, которого помнили завтра / Н. Серебров — «Автор»,
2026

Что, если однажды вы вспомните завтрашний день — и увидите в нём собственное исчезновение? Марк привык к точности: чайник шумит на рассвете, трамвай приходит в 7:19, жизнь не выходит из расписания. Но в его памяти появляются события, которых ещё не было: потери, чужая боль, версии самого себя, которыми он мог стать. Можно ли принять предупреждение о будущем, не подчинив ему свою жизнь? «Человек, которого помнили завтра» — фантастическая история о памяти, сожалении и свободе выбора. Марк учится отличать факты от страхов, слышать близких и не превращать прошлое в приговор. Будущее может подсказать, чего мы боимся, но не обязано решать за нас. Для тех, кто ищет уверенность перед каждым шагом: эта история покажет, как выбрать поступок в согласии с собой, даже если исход неизвестен. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

Содержание

Утро, начавшееся с чужого воспоминания	6
Город, который помнил завтрашний день	10
Мое имя в списке тех, кого еще не встретили	15
Женщина, которая уже потеряла меня	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Николай Серебров

Человек, которого помнили завтра

Человек, которого помнили завтра

Николай Серебров

Утро, начавшееся с чужого воспоминания

Чайник начинал шуметь ровно в тот момент, когда за окном серело. Марк знал это так же точно, как знал, что на третьей ступеньке лестницы скрипит дерево, а трамвай номер шесть приходит к остановке в 7:19, если не идет дождь.

Он насыпал в кружку чай, положил рядом ложку и проверил телефон. Семь двенадцать. До выхода оставалось двенадцать минут: пять на завтрак, две на шарф и пальто, пять на дорогу до остановки. Он мог бы управиться быстрее, но не любил бежать. Бег всегда означал, что что-то случилось не по плану.

Серый рассвет отражался в кухонном окне. На стекле собрались капли, и фонари за ними выглядели расплывчатыми желтыми пятнами. Марк открыл сообщение от коллеги.

«Сможешь взять мой отчет? Меня сегодня не будет».

Он ответил: «Да, конечно», прежде чем успел подумать, что у него и без того на столе лежит отчет, который он обещал закончить еще в пятницу. Потом увидел уведомление от сестры Даши. Она спрашивала, сможет ли он помочь маме разобрать коробки в воскресенье.

Марк набрал: «Посмотрю, как получится».

Он не отправил сообщение. Сначала надо было допить чай. Потом решить. Потом ответить так, чтобы никого не расстроить. Он положил телефон экраном вниз и снял с крючка пальто. Манжета была влажной после вчерашнего дождя. От ткани потянуло мокрой шерстью.

Марк замер.

Запах был знакомым, но не кухне и не пальто. Он пахнул холодом, железом и чем-то сладковатым, вроде яблочной кожуры, долго лежавшей в кармане. Вместе с ним пришло ощущение, что он стоит на ветру и держит ладонью чужую руку.

Не воспоминание о том, что он видел. Воспоминание о том, что он был там.

Платформа уходила вдоль рельсов под низким небом. Серый снег лежал островками у края, вдавленный в него уголь и песок. Под ногами хлюпала вода. Слева была чугунная колонна с облупившейся зеленой краской, у основания — белая царапина, похожая на кривую букву. Из динамика, сипя и захлебываясь, произносили название станции, но слова распадались на шум.

Марк не знал этой станции.

Он никогда не ездил на поездах из маленьких провинциальных городов. По крайней мере, так ему казалось.

Перед ним стоял мальчик лет девяти. Из-под короткой куртки выбивался красный шерстяной шарф. Он был слишком длинным и намотан небрежно, узел съехал к плечу. Концы шарфа намokли и потемнели. Мальчик втягивал голову, пряча подбородок в шерсть, и все равно дрожал.

Рядом с ним стояла девочка, еще младше. Она держала в руке варежку без пальца и смотрела на мальчика снизу вверх.

— Ты же обещал, — сказала она.

Мальчик отвернулся к поезду. За его спиной кто-то звал:

— Миша, садись, сейчас тронемся.

Имя не показалось Марку услышанным. Оно было известно ему так, как бывает известно собственное имя.

Миша присел перед девочкой и поправил ей шапку. На ее воротнике блестела капля воды. Он хотел улыбнуться, но губы не слушались.

— Я вернусь к первому снегу, — сказал он. — Честное слово.

— А если он уже был?

— Тогда к следующему.

Девочка не засмеялась. Она протянула руку и ухватила за красный шарф. Миша потянулся к ней, чтобы разжать пальцы. Грубая шерсть скользнула по его раскрытой ладони, зацепила кожу, оставила зудящий след. Девочка смотрела на него, не моргая.

Поезд дернулся. Где-то рядом хлопнула дверь вагона. Миша встал, шагнул назад, потом еще раз, все еще глядя на девочку. Она не махала. Только держала красный конец шарфа двумя пальцами, пока тот не выскользнул из ее руки.

В кухне чайник щелкнул и умолк.

Марк дернулся так резко, что задел кружку. Чай плеснул на стол, растекся по столешнице и обогнул телефон. Он схватил полотенце. Руки дрожали.

Пальто висело на крючке. На манжете темнело влажное пятно. Кружка стояла перед ним. В окне все так же отражался серый рассвет. На плите медленно остывал чайник.

Он посмотрел на часы. Семь четырнадцать.

— Сон, — сказал Марк.

Слово прозвучало неубедительно. Он не помнил, чтобы просыпался ночью. Не помнил ни поезда, ни мальчика, ни платформы. Но помнил мокрую шерсть на коже и шероховатый рывок шарфа по ладони. Помнил выражение лица девочки, когда Миша пообещал вернуться. Не просто видел его, а знал, каково было смотреть на нее.

Марк вытер стол. Телефон снова загорелся. Коллега прислал еще одно сообщение: «Очень выручишь».

Он набрал: «Задержусь сегодня на десять минут. Отчет возьму после обеда».

Перечитал. Обычно он не сообщал, что задержится, а предупреждал, что всё сделает. Обычно «после обеда» означало «самым поздним вечером». Он стер слово «после», но не отправил. Ему захотелось сначала понять, что произошло.

Из ящика стола Марк достал старый блокнот. Он завел его несколько месяцев назад, чтобы записывать дела, но в нем было больше пустых страниц, чем заполненных. На первой исписанной странице значилось: «Купить батарейки». Под этой записью Марк когда-то приписал: «Позвонить Даше». Позвонил он через неделю, после двух напоминаний.

Он открыл чистый разворот и провел линейкой две вертикальные черты. Страница разделилась на три колонки. Сверху он написал:

«Что я помню».

«Что чувствую».

«Что могу проверить».

Почерк получился неровным. Марк положил ручку на стол и несколько секунд смотрел на заголовки. Ему хотелось сразу вписать: «Чужая память». Или: «Галлюцинация». Или хотя бы: «Сон, вызванный запахом пальто».

Но ни одно из этих объяснений он не мог назвать тем, что действительно помнил.

В первой колонке он записал: «Платформа. Мокрый снег. Зеленая чугунная колонна, белая царапина у основания. Мальчика зовут Миша. Красный шерстяной шарф. Девочка спросила: “Ты же обещал”. Он сказал, что вернется к первому снегу».

Он остановился. Рука ныла от того, как крепко сжимала ручку.

Следующей строкой добавил: «Шерсть царапнула ладонь, когда девочка держала шарф».

Только после этого он заметил, что в третьей колонке оставил место для выводов и доказательств, а в первую записывал уже не только увиденное, но и то, что мог знать лишь Миша. Он поставил рядом маленький вопросительный знак.

В средней колонке написал: «Тревога. Стыд. Жалость. Злость на мальчика». Потом зачеркнул последние два слова. Злости не было. Была тяжесть, похожая на ту, что возникала, когда он вспоминал о несделанном и надеялся, что никто не спросит.

И тогда вспомнилась Даша.

Ей было семь, ему — одиннадцать. В школьном актовом зале пахло пылью, мокрыми варежками и лаком для пола. Даша должна была читать стихотворение на утреннике. Перед выходом она нашла Марка в коридоре и спросила:

— Ты точно будешь в первом ряду?

Он пообещал, что будет. Даша улыбнулась и убежала за кулисы.

Потом ребята во дворе позвали его играть в футбол. Марк решил, что успеет к выступлению, но игра затянулась. Когда он добрался до школы, утренник уже закончился. Мама сказала, что Даша хорошо прочитала стихотворение. Даша ничего не сказала. Может быть, даже не заметила, что Марка не было.

Он годами не вспоминал об этом. Теперь вспомнил пустое место рядом с матерью в первом ряду и Дашу, которая перед выходом искала глазами зал.

Марк отложил ручку. Ему хотелось закрыть блокнот. Не потому, что он боялся мальчика на платформе. Потому, что чужая сцена каким-то образом нашла его собственную, аккуратно спрятанную под множеством более важных дел.

В средней колонке появилось: «Стыд за обещание, которое можно было выполнить».

Он долго смотрел на эту фразу. Потом добавил: «Стыд не доказывает, что воспоминание мое».

В третьей колонке написал: «Проверить, видел ли я эту станцию на фотографии или в фильме. Проверить, не читал ли похожую историю. Спросить Дашу, помнит ли она тот утренник. Отделить то, что помню, от того, что сейчас объясняю».

Эти строки не успокоили его. Но они не давали смешать все в одно: мальчика, сестру, стыд и уверенность, будто он обязан немедленно разгадать происходящее. Марк провел пальцем по краю страницы. Бумага была шершавой, сухой. Здесь не было ни рельсов, ни снега, ни поезда. Только написанные слова.

Он взглянул на телефон. Сообщение Даше оставалось неотправленным. Марк набрал: «В воскресенье приеду к маме. И хочу спросить тебя про один школьный утренник. Я тогда обещал быть рядом и не пришел».

Палец завис над кнопкой. Ему захотелось заменить последнее предложение на что-нибудь легче. «Вспомнил смешную историю». «Тут такое дело». «Расскажу потом».

Он нажал «Отправить».

Ответа не было, и Марк не стал ждать. Впервые за долгое время он не попытался заранее угадать, что сестра подумает о его словах. Просто оставил сообщение таким, каким оно было.

Потом вернулся к блокноту. В третьей колонке добавил: «Утром в кухне не было красного шарфа. Пальто темное, телефон черный, кружка белая». Ему показалось нелепым записывать это, но он не вычеркнул. Проверяемое не должно было быть важным или убедительным. Достаточно, что его можно было проверить.

Марк закрыл блокнот и уже потянулся за пальто, когда заметил собственную ладонь.

На коже, чуть ниже основания пальцев, проступала тонкая красная полоса. Она пересекала ладонь наискось. Рядом тянулись две более бледные волнистые линии, словно отпечаток шерстяных нитей. Марк потер их большим пальцем. Кожа побелела, затем снова порозовела. След остался.

Он осмотрел кухню. На столе лежала синяя ручка. Кружка была белой. Пальто — серым. Ничего красного он не касался.

Марк открыл блокнот и записал в третьей колонке: «В 7:38 заметил красную полосу на левой ладони. До этого отдельно не осматривал».

Он не написал, что это след от шарфа. Не написал, что мальчик был настоящим. Не написал и того, что все показалось.

Чай успел остыть. За окном, по привычному маршруту к остановке, прошел первый трамвай. Марк взял блокнот с собой, не закрыв его на замок и не убрав под другие бумаги. До выхода оставалось четыре минуты. На этот раз он не стал торопиться.

Город, который помнил завтрашний день

Дверь подъезда захлопнулась за Марком, и город сразу обступил его шумом. Трамвай звякнул на перекрестке, грузовик сдавал назад у овощной лавки, кто-то ругался в телефон. На левой ладони красная полоса зудела под холодным воздухом. Марк раскрыл блокнот на ходу и добавил к утренней записи: «7:43. На улице. След не исчез».

Он убрал ручку, но блокнот оставил в руке.

На остановке люди теснились под навесом. Над ними мигало электронное табло: обычные маршруты, задержка второго трамвая, реклама банка. Марк уже отвернулся, когда экран коротко погас и снова загорелся.

Северный вокзал. Поезд № 214. 8:14. Отменен.

Он посмотрел на часы. Было без десяти восемь. Поезд еще даже не подошел к платформе.

— Это что, уже отменили? — спросила девушка в зеленой шапке.

Мужчина с бумажным стаканом пожал плечами.

— Значит, будет отменен.

— Вы знаете?

— Не знаю. Просто помню.

Он сказал это так буднично, будто вспоминал цену на молоко. Потом нахмурился и добавил:

— Завтра, кажется. Или сегодня. Я ехал, а он не пришел. На табло было именно так.

Девушка в зеленой шапке медленно кивнула.

— Я тоже видела пустую платформу. Но думала, приснилось.

Марк открыл блокнот. На первой свободной странице провел четыре вертикальные линии. Над колонками написал: **Что появилось. Когда и где. Кто заметил. Что произошло после.** Ниже занес строку: «7:51. Табло у остановки. Поезд № 214, 8:14, отменен. Независимо заметили двое».

— Может, техническая ошибка, — сказал он, больше себе, чем им.

— Может, — ответила девушка. — Но почему я тогда помню, как объявили об отмене?

Трамвай подошел, распахнул двери и принял пассажиров. Марк встал у окна. В отражении его лицо накладывалось на улицу: вывески, мокрый асфальт, деревья с темными ветками. Город выглядел совершенно обычным, если не считать того, что обычные люди уже успели увидеть событие, которого еще не было.

На Северном вокзале табло отправлений показывало тот же поезд. В строке статуса горело: **ОТМЕНЕН**. Мужчина у кассы сердито спорил с сотрудницей.

— Я купил билет вчера.

— Вчера поезд еще был в расписании, — сказала она.

— А сегодня?

— Сейчас он отменен.

— Сейчас, — повторил мужчина. — Вот именно.

Марк не стал вмешиваться. Он заметил, что сотрудница выглядела не удивленной, а усталой. На ее столе стояла кружка с недопитым кофе; пальцы время от времени касались ее ручки, словно она считала секунды.

В 8:14 по громкоговорителю объявили об отмене поезда из-за неисправности сигнального оборудования. Несколько пассажиров недовольно зашумели. Мужчина у кассы отвернулся к выходу. Девушка в зеленой шапке, оказавшаяся на платформе рядом с Марком, произнесла:

— Я же говорила. Было пусто.

— Вы помнили именно это? — спросил Марк.

— Да. Только в памяти поезд почему-то был уже вчерашним. Будто я ехала в нем и теперь вспоминаю.

Она пожала плечами, как будто извинялась за то, что ее собственная память устроена неправильно, и ушла.

Марк записал подтверждение. Рука с ручкой двигалась медленно. Он заставлял себя не писать: «Город знает будущее». Это было объяснением, а ему пока требовались детали.

Кафе «Утро» находилось через два квартала от вокзала. Его ставни были опущены, а на стеклянной двери висел листок, приклеенный четырьмя кусками прозрачного скотча.

ЗАВТРА, 9:20. ПОЖАР. НЕ ОТКРЫВАТЬ ЛЕВУЮ ДВЕРЬ.

Марк прочитал надпись дважды. Она была сделана черным маркером, неровно, но отчетливо. За стеклом виднелись перевернутые стулья и темная стойка. В углу горела единственная лампа.

К двери подошел курьер с термосумкой. Он прочитал записку и побледнел.

— Вот же, — сказал он.

— Вы знаете, кто ее повесил? — спросил Марк.

Курьер мотнул головой.

— Нет. Но мне сегодня снилось, что отсюда дым. Я даже проснулся от звонка сигнализации.

— Сегодня?

— Завтра. Или... — Он потер переносицу. — У меня в голове это уже произошло. Как будто я вез заказ, а потом стоял на этой улице и смотрел, как пожарные вытаскивают кофемашину.

Из-за ставни постучали. Появилась узкая щель, затем выглянула женщина в фартуке.

— Что вам нужно?

— Я просто хотел спросить про объявление, — сказал Марк.

Женщина сняла цепочку и приоткрыла дверь, не выходя на улицу.

— Я его не писала.

— Вы знаете, кто написал?

— Нет. Утром пришла, а лист уже висит. Сначала решила, что чья-то дурацкая шутка.

Курьер поднял глаза.

— Вы же сами говорили, что завтра будет дым.

Женщина посмотрела на него так, словно пыталась припомнить разговор, которого еще не было.

— Я этого не говорила.

— Может быть, — отступил он. — Но я помню, что вы сказали.

Она закрыла дверь. Щелкнула цепочка.

Марк записал: «8:37. Кафе “Утро”. Записка о пожаре завтра в 9:20. Курьер независимо помнит дым и пожарных. Работница не признает, что говорила о пожаре». Он остановился, посмотрел на последнюю фразу и добавил: «Пока не подтверждено».

Ему захотелось постучать снова, потребовать объяснений, вызвать пожарных. Но он не знал, что именно сообщить. Пожар еще не случился. Записка могла быть розыгрышем, тревожной фантазией, чьим-то способом привлечь внимание. А за стеклом не было ни дыма, ни огня.

Он не стал превращать тревогу в приказ. Вместо этого сфотографировал листок и отметил время.

За кафе начинался узкий проход между магазином белья и аптекой. Люди шли по нему, но почему-то огибали середину, прижимаясь к стенам. Никто не переговаривался, не показывал на препятствие. Там ничего не было: только прямоугольник чистого асфальта и ряд голубоватых теней от рекламной конструкции над магазином.

Марк остановился.

Мужчина с портфелем обошел пустое место по краю. За ним женщина с коляской повторила тот же поворот, хотя проход был достаточно широк. Подросток, не отрываясь от телефона, переступил через воображаемую границу.

Марк посмотрел вверх. Большой рекламный щит висел на металлических кронштейнах над входом в магазин. Один кронштейн был темнее остальных. У его края шел ржавый след.

Он снова раскрыл блокнот и записал: «8:46. Проход под щитом. Люди обходят пустое место. Объяснения пока нет». Потом перешел ближе к стене.

На штукатурке, под выцветшей рекламой распродажи, проступала надпись. Сначала Марк принял ее за грязь. Затем разобрал слова:

СЕГОДНЯ. 9:12. ОСТАВИТЬ ПРОХОД СВОБОДНЫМ.

Он оглянулся. Никто не читал надпись. Мужчина с портфелем уже исчез, женщина с коляской выехала на другую улицу. Девушка у витрины разглядывала собственное отражение.

Марк подошел к ней.

— Вы видите это? — спросил он, указав на стену.

Девушка проследила за его рукой.

— Да. Я видела утром.

— Что вы об этом подумали?

— Что надо пройти с другой стороны.

— Почему?

Она чуть нахмурилась.

— Не знаю. Так безопаснее.

— Вы замечали что-нибудь еще?

Девушка покосилась на щит.

— Мне снился грохот. Но я во сне была не здесь. Я вообще не помню, где. Просто звук.

Она быстро ушла, не дожидаясь продолжения разговора.

В магазин вынесла коробку женщина в темном фартуке. На бейдже было написано «Нина». Она поставила коробку прямо под щитом и потянулась к тележке.

Марк взглянул на часы. 9:08.

— Извините, — сказал он. — Не ставьте ее здесь.

— Почему?

Он показал на ржавый кронштейн и затем на надпись.

— Похоже, крепление разболтано. Здесь может упасть щит.

Нина посмотрела вверх. На лице у нее мелькнуло раздражение, но не страх.

— Он уже сто лет висит.

— Тогда еще один день ему ничего не даст. Отодвиньте коробку хотя бы за угол.

— Мне ее внутрь занести нужно.

— Давайте помогу.

Нина помедлила. За ее спиной в дверях стоял мужчина в куртке с нашивкой магазина. Он смотрел на них, но не двигался.

— Я не могу бросить тележку, — сказала Нина. — Начальник потом спросит, почему товар оставила.

Марк повернулся к мужчине.

— Тут щит может упасть.

Тот посмотрел на щит, затем на часы.

— Вы вызвали аварийную службу?

— Нет.

— Ну вот. Вызовите.

Он снова скрылся в магазине. Нина вздохнула.

— Он всегда так. Если что-то не его, он сначала ждет бумагу.

Марк открыл рот, но понял, что сам не знает, почему ждал. Потому что надпись могла оказаться шуткой? Потому что он хотел сначала доказать, что прав? Потому что произнести предупреждение было легче, когда уверен на сто процентов?

Он этого не знал. Зато видел ржавчину, видел, как кронштейн едва заметно подрагивает от ветра, и видел коробку под тяжелой конструкцией.

— Я не знаю, упадет ли щит, — сказал он. — Но не хочу проверять на вас.

Нина посмотрела ему прямо в глаза. Потом взялась за коробку с одной стороны.

— Ладно. Подхватите.

Они оттащили коробку к стене. Марк перекатил тележку за угол. Нина сняла фартук и повесила его на дверную ручку, чтобы не запачкать товар. Из магазина так никто и не вышел.

На улице было тихо. Слышался только шорох листвы в водостоке и далекий гул автобуса.

В 9:12 металлическая опора треснула.

Щит накренился, зацепился нижним краем за стену и рухнул вниз. Удар отдался в стеклах ближайших домов. Рекламная панель раскололась на две части и легла точно там, где несколько минут назад стояли коробка и тележка.

Нина прижала ладонь ко рту.

— Если бы я не послушала...

— Вы послушали, — сказал Марк.

К двери магазина выскочил тот самый мужчина в куртке.

— Я же собирался вызвать службу, — произнес он.

Нина посмотрела на обломки, потом на него.

— Собирались?

Марк не стал отвечать. Он открыл блокнот и, стараясь удержать ручку, записал: «9:12. Щит упал. Нина отодвинула коробку после предупреждения. Пострадавших нет. До вмешательства люди обходили место, но никто не предупредил работницу».

Он поднял глаза на стену.

Надписи больше не было.

Под выцветшей рекламой проступали новые слова, будто штукатурка проступила влагой изнутри. Марк подошел ближе. Серые буквы становились темнее, одна за другой.

ЗАВТРА. СПИСОК ТЕХ, КОГО ЕЩЁ НЕ ВСТРЕТИЛИ. МАРК.

Нина прочитала через его плечо.

— Это тоже ваша записка?

— Нет.

— Тогда чья?

Марк провел пальцем рядом с надписью, не касаясь букв. Стена была сухой и холодной. Он записал точное время, место, текст и то, что увидел после вмешательства. Не написал, что сообщение возникло из-за его поступка. Не написал, что оно предназначалось именно ему. Эти выводы могли подождать.

На улице уже собрались люди. Кто-то снимал обломки на телефон. Мужчина с портфелем вернулся и стоял в стороне, прижимая к груди папку. Девушка у витрины смотрела на Марка, будто хотела что-то сказать, но не решалась.

Он спросил ее:

— Вы помнили, что щит упадет?

Она ответила не сразу.

— Я помнила грохот. Но думала, это случилось в другом месте.

— А вы? — Марк повернулся к мужчине с портфелем.

Тот отвел взгляд.

— Я каждый день здесь хожу.

— Сегодня вы обошли это место.

— Да.

— Почему?

Мужчина потер переносицу.

— Не знаю. Наверное, показалось, что там скользко.

Они нашли объяснение, которое позволяло ничего не менять: скользкий асфальт, старая конструкция, чья-то ответственность, чужая записка. Возможно, это были разумные объяснения. Но коробка лежала бы под щитом, если бы Марк, не дождавшись полной уверенности, не заговорил с Ниной.

Он добавил в блокнот четвертый столбец: «После моего вмешательства». Теперь записи выглядели не как доказательство чуда, а как работа наблюдателя. Время. Источник. Что заметили другие. Что сделали. Что произошло.

У него не было власти над тем, что город помнил. Он не знал, можно ли предотвратить пожар, появится ли к утру новое сообщение, изменится ли завтрашний день от одного сказанного слова. Но он мог не отворачиваться от детали только потому, что не понимал ее.

Марк снова посмотрел на стену. Имя оставалось на месте.

«Завтра» еще не наступило. А город, казалось, уже помнил его.

Мое имя в списке тех, кого еще не встретили

На следующее утро Марк снова остановился у стены.

Надпись никуда не исчезла. Имя, выведенное на кирпиче, казалось темнее, чем вчера, хотя дождя не было и ночью никто не проходил здесь с кистью. Марк достал блокнот и отметил время. В графе «Что заметили другие» написал: «Пока не спрашивал». Потом долго смотрел на пустую строку в графе «После моего вмешательства» и наконец закрыл блокнот.

Он не хотел, чтобы следующий шаг был продиктован страхом. Но и оставаться рядом с этой стеной, повторяя себе, что ничего не происходит, было уже не наблюдением, а привычкой отводить глаза.

В городской библиотеке пахло мокрой шерстью, пылью и чем-то сладким, похожим на старую бумагу. Марк пришел узнать, что раньше находилось за стеной: склад, двор, мастерская. Любая история, которая могла объяснить, почему его имя появилось именно там. В читальном зале он сел за дальний стол и открыл ноутбук. В цифровом каталоге нашлись старые планы квартала, две фотографии разобранной трамвайной линии и упоминание о муниципальном складе, закрытом задолго до его рождения.

Ничего, что объясняло бы имя.

— Вы ищите не тот год, — сказала женщина за соседним столом.

Марк поднял глаза. Женщина была лет пятидесяти, с короткими седыми волосами и спокойным лицом человека, которому редко приходилось повышать голос. На ней был серый жилет с приколотым к нему пропуском. На пропуске значилось: «Элина. Архив».

— А какой год тот?

— Если бы я знала, уже нашла бы.

Она сказала это без улыбки, но и без насмешки. Марк указал на экран.

— Я пытаюсь понять историю одной стены.

— У любой стены их несколько. Официальная, семейная, та, которую рассказывают дети, когда играют во дворе. Какую ищите?

— Пока не знаю.

Элина взглянула на его блокнот, лежавший рядом с ноутбуком. Марк не успел убрать страницу с четырьмя столбцами.

— Вы ведете наблюдения?

— Пытаюсь не путать то, что видел, с тем, что решил увидеть.

— Полезное занятие.

Она подошла к шкафу у окна и достала тонкую папку. На обложке был номер, несколько выцветших штампов и рукописная пометка: «Квартал у Северного переулка. Разрозненные материалы». Элина положила папку перед ним.

— Здесь планы, письма и кое-какие записи горожан. Не все материалы считаются надежными.

— А вы?

— Я считаю надежность свойством источника, а не его убедительности. Иногда странная запись сделана человеком, который ничего не выдумывал. Иногда убедительная — человеком, который очень хотел, чтобы ему поверили.

Марк открыл папку. Между планами квартала лежали старые квитанции, газетная вырезка о ремонте водопровода, фотография кирпичной стены с темным пятном на месте нынешней надписи. Снимок был зернистым, и имя на нем не разобрать.

— Это тот участок, — сказал Марк.

Элина наклонилась над фотографией.

— Похоже на него.

— Вы можете сказать, когда снято?

— Примерно. Точность тут такая же, как у большинства старых снимков: год плюс-минус несколько лет.

Он перевернул фотографию. На обороте чужой рукой было написано: «После закрытия мастерской. Западная стена».

— А что за мастерская?

— Переплетная. Работала в этом квартале еще до войны. Потом здание перedelывали несколько раз.

— Имена там оставляли?

— На стенах, в книгах, на дверях. Люди всегда хотят доказать, что были здесь.

Марк подумал о собственном имени на кирпиче и почувствовал, как внутри сжалось что-то маленькое и цепкое.

— А если имя появилось раньше, чем человек оказался здесь?

Элина не ответила сразу. Она убрала с фотографии край папки, чтобы снимок не соскользнул со стола.

— В районный архив приносят всякое. Иногда человек находит записку и думает, что она написана для него. Иногда записка действительно написана для него, только непонятно кем и когда.

— У вас есть такие записи?

— Есть записи, которые мы не сумели правильно описать. Это не одно и то же.

Она сказала это так буднично, будто объясняла правила выдачи книг. Потом достала из соседнего шкафа серую папку с тканевым корешком и положила рядом. Папка была перевязана тонким шнуром. На картонной обложке не было номера, только выведенные черными чернилами слова: «Те, кого еще не встретили».

Марк прочитал их дважды.

— Что это?

— Так написано на обложке.

— Вы знаете, кто составил список?

— Нет.

— А почему он хранится у вас?

— Его передали в библиотеку. Мы храним документы, если они относятся к городу и не требуют от нас вердикта.

Элина развязала шнур, но папку не открыла.

— Есть правила, — сказала она. — Их проще соблюдать, чем объяснять.

— Какие?

— Не выносить листы из читального зала. Не исправлять записи. Не добавлять собственные имена. И не обращаться к человеку, указанному рядом с чужим именем, только потому, что вам кажется, будто вы поняли смысл.

— А если там будет мое имя?

Элина посмотрела на него внимательно, но не удивленно.

— Тогда вы уже задаете вопрос не о папке.

Он мог бы рассмеяться, но не рассмеялся.

— Откройте.

Внутри лежали карточки разного размера. Одни были желтоватыми и хрупкими, другие — почти белыми, будто их вырезали из современной бумаги. На каждой указывались имя, дата и адрес. Иногда добавляли короткую пометку: «у входа», «после звонка», «свидетель не установлен». Почерки менялись от карточки к карточке. Некоторые строки были подчеркнуты, некоторые перечеркнуты одной чертой. На двух карточках прежний адрес заклеили узкой полоской бумаги, поверх которой вписали новый.

Список выглядел не торжественным и не загадочным. Он выглядел рабочим: как чья-то многолетняя, небрежная попытка не потерять важные сведения.

Марк листал медленно. Среди фамилий попадались знакомые названия улиц и совершенно чужие имена. На одной карточке стояла пометка «не состоялось», на другой — короткое «уже помнит». Он не сразу понял, что именно ищет. Сначала прочел страницу целиком, потом вернулся к началу. Его пальцы холодели.

На карточке ближе к середине его имя стояло в три строки:

«Марк Сергеевич Левин.

18 апреля, 18:30.

Черёмуховая, 6, квартира 31».

Под временем темнел след исправления. Сначала, похоже, было написано «18:00», затем цифру заменили на тройку. Адрес обвели карандашом, а рядом другим почерком добавили: «внутри».

Марк перестал слышать библиотеку. За окном прошел автобус, свет скользнул по стеклу и исчез. Кто-то листал газету. Где-то тихо кашлянули.

Восемнадцатое апреля было завтра.

Он знал этот адрес. Не потому, что бывал там, а потому, что видел его на экране телефона. Мать переехала на Черёмуховую два года назад. До этого они жили в доме на другом конце города, где отец провел последние месяцы. Завтра исполнялось четыре года со дня его смерти.

Неделю назад мать написала: «Завтра годовщина. Я буду дома после шести. Если захочешь, приезжай». Адрес она прислала отдельным сообщением. Марк прочитал оба сообщения, ответил «постараюсь» и больше к ним не возвращался.

Он поднялся так резко, что стул заскрипел по полу.

— Это не моя запись.

— Я этого не говорила, — отозвалась Элина.

— Почерк чужой.

— Да.

— Адрес совпадает.

— Да.

— Дата совпадает.

— Да.

Ее спокойствие раздражало его сильнее, чем испугало бы удивление.

— Значит, вы знали, что тут такое есть.

— Я знала, что в папке есть карточки.

— И что делать, если человек находит себя?

— Этого правила нет.

— Вы сказали, есть правила.

— Я сказала, их проще соблюдать, чем объяснять. Это не значит, что они решают за человека.

Марк снова посмотрел на строчку. Внутри поднялось не чувство избранности, а совсем другое — резкое, почти физическое возмущение. Будто незнакомец уже распорядился завтрашним вечером, посадил его на определенный стул, вложил ему в рот нужные слова.

— Если я поеду, будет казаться, что я исполняю запись.

— А если не поедете?

— Тогда тоже буду думать о ней.

— Именно поэтому люди, которые ищут запись о себе, обычно пытаются стать тем человеком, которого от них ждут.

Элина произнесла это негромко. Не как предупреждение из старой легенды, а как наблюдение, которое она слишком часто видела в читальном зале.

Марк провел пальцем по краю карточки, не касаясь чернил.

— Кто-то написал мое имя. Я должен теперь решить, подчиниться или сопротивляться.

— Вы можете решить, поедете ли вы к матери.

— Но причина уже не будет моей.

— Причина может быть не одна.

Она закрыла папку, оставив карточку на столе.

— Вы ведь хотели туда поехать и до того, как нашли ее?

Марк отвел взгляд.

— Хотел.

— А что мешало?

Он мог назвать работу. Мог вспомнить, как после смерти отца мать сказала ему: «Ты всегда приезжаешь, когда уже поздно». Мог перечислить все разговоры, которые так и не состоялись, потому что он боялся услышать в ее голосе прежнюю обиду. Вместо этого он сказал:

— Не знал, что сказать.

— Это часто означает, что человек ждет слов, после которых его одобряют.

Марк посмотрел на нее.

— Вы меня не знаете.

— Нет. Но вы сейчас не сказали, что боитесь ее. Вы сказали, что не знаете правильных слов.

От точности замечания захотелось возразить. Марк почувствовал, как привычно собирается внутри защита: объяснить, уточнить, предъявить разумные причины. Он знал этот механизм. Сначала нужно было подготовить правильную версию себя, потом уже появиться перед людьми. Версию, которая не сердится, не опаздывает, не просит слишком многого и не заставляет других разочаровываться.

Он жил так даже на работе. Соглашался на сроки, которые считал невозможными, потому что руководитель смотрел на него с надеждой. Отвечал друзьям «все нормально», чтобы не объяснять, что это не так. Мать он не навещал, потому что хотел прийти, когда сможет выдержать разговор. С каждым месяцем этот день становился все более подготовленным и все менее вероятным.

— Если я поеду из-за карточки, значит, я не свободен, — сказал он.

— А если не поедете только для того, чтобы доказать, что карточка не управляет вами?

Марк замолчал.

Элина аккуратно отодвинула карточку в центр стола.

— Я не знаю, что это такое, Марк. И не буду делать вид, что знаю. Может быть, кто-то записывает то, что уже слышал. Может быть, угадывает. Может быть, бумага появляется после событий, а не до них. Мы не умеем установить порядок для каждой карточки.

— Но вы ее храните.

— Да. Память тоже хранит вещи, смысл которых становится понятен позже. Или не становится.

Марк раскрыл блокнот. Четыре столбца на странице остались такими же, как вчера: время, источник, что заметили другие, после моего вмешательства. Он перелистнул страницу и начертил новую таблицу. Слева написал: «Возможный сценарий». Справа: «Что я хочу сказать честно».

Потом несколько секунд держал ручку над бумагой.

Первый сценарий: мать встретит его тепло, поставит чайник и заговорит об отце так, будто четыре года можно аккуратно обойти стороной.

Рядом он написал: «Я скучал по тебе. И мне жаль, что я так долго откладывал этот разговор».

Второй сценарий: мать будет сердиться. Скажет, что он снова появился только потому, что дата напоминает о семье. Что ей надоело ждать.

Рядом: «Ты вправе сердиться. Я не приехал не потому, что перестал помнить».

Третий сценарий: мать не захочет говорить. Может открыть дверь, а может попросить уйти. Может сказать, что приглашала его раньше, а теперь уже не хочет.

Рядом: «Я не пришел заставлять тебя простить меня. Я хотел приехать и сказать, что мне важно быть здесь».

Марк перечитал написанное. Это не были ответы на ее возможные слова. Не были прогнозы, не были реплики для удачной сцены. Он не знал, какое из намерений понадобится, если понадобится хоть одно. Впервые за долгое время он не пытался заранее составить разговор целиком, от первой фразы до правильного прощания.

Он хотел сказать правду. Какую именно — выяснить уже там.

— Вы верите этой записи? — спросил он.

— Я верю, что она существует.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Она убрала остальные карточки в папку, но ту, где было его имя, оставила на столе. Марк заметил, что на обратной стороне нет ничего. Ни подписи, ни даты, когда карточку принесли в архив. Только плотный картон и едва заметное вдавленное место там, где кто-то до него писал на листе сверху.

— Можно ее сфотографировать?

— Нельзя.

— Переписать?

— Можно. Но я бы не стала.

— Почему?

— Когда человек переписывает свое имя из такого списка, ему часто кажется, что он закрепил запись или отменил ее. Бумага от этого не меняется. Меняется только его отношение к ней.

Марк записал адрес и время в блокнот, не копируя формулировку карточки. Потом поставил рядом вопросительный знак. Не потому, что сомневался в цифрах. Чтобы напомнить себе: это пока только место и время, а не приказ.

Он достал телефон. Сообщение матери все еще было в переписке. Слово «постараюсь» выглядело уклончивым, как записка, оставленная на пороге чужой жизни. Марк нажал на поле ответа и написал: «Завтра приеду».

Палец задержался над кнопкой отправки. Он почувствовал знакомое желание добавить объяснение: «Если получится», «если ты не против», «не знаю, надолго ли». Любая оговорка могла смягчить обещание и оставить открытой лазейку. Он стер эти слова, но отправлять не стал.

— Вы можете не ехать, — сказала Элина.

— Знаю.

— Можете поехать и не сказать ничего из того, что записали.

— Знаю.

— Тогда что изменилось?

Марк посмотрел на три строки в блокноте.

— Я перестал ждать, что заранее выберу правильную фразу.

Он нажал «Отправить».

Ответ не пришел. На экране осталась короткая надпись о доставке. Никакого знака, что список подтвердился, что мать прочитала сообщение или что завтрашний разговор уже начался.

Марк убрал телефон.

— Я поеду, — сказал он. — Но не обещаю себе, что скажу именно это.

Элина кивнула, словно услышала не признание, а точное описание сделанного выбора.

Он завязал шнур на серой папке. Его пальцы чуть дрожали. Карточка с именем осталась внутри — не пророчеством, которое можно было бы принять за руководство, и не пустяком, от которого удалось бы просто отмахнуться.

На выходе Марк заметил свое отражение в стеклянной двери. На секунду оно показалось ему чужим: человек, который уже знает адрес, уже знает дату и все еще не знает, что скажет. Но в этом незнании было больше свободы, чем в любой заранее выученной речи.

Завтра он придет на Черёмуховую, 6, в половине седьмого. Не потому, что бумага распорядилась. Не для того, чтобы доказать бумаге обратное. Он поедет, потому что давно хотел перестать откладывать встречу, даже если не умел сделать ее безупречной.

Телефон завибрировал у него в ладони. Мать ответила: «Хорошо. Я буду дома».

Марк прочитал сообщение, но ничего не написал в ответ. Впервые это молчание не было способом спрятаться от следующего шага. Следующий шаг уже был выбран. Остальное ему предстояло узнать у двери.

Женщина, которая уже потеряла меня

В половине седьмого Марк поднялся на третий этаж и остановился перед дверью, не сразу решившись нажать на звонок. За стеной работал телевизор, где-то внизу хлопнула дверь подъезда. В ладони нагрелся телефон с маминым сообщением: «Хорошо. Я буду дома».

Он позвонил.

Мать открыла почти сразу. Сначала посмотрела на него так, будто сверяла с памятью, потом улыбнулась — осторожно, не делая вид, что между ними ничего не происходило.

— Ты приехал.

— Да.

— Заходи. Я поставила чайник.

В прихожей пахло мокрой шерстью и укропом. Всё было почти прежним: тёмная полка для обуви, старые часы над выключателем, царапина на косяке, которую Марк оставил в подростковом возрасте, когда тащил домой велосипед. Он снял куртку и уже хотел спросить, как у матери дела, но увидел женщину в комнате.

Она стояла у окна, рядом с креслом, и держала в руках бумажную салфетку, сложенную вчетверо. На вид ей было около сорока. Тёмные волосы убраны за уши, на запястье тонкий след от часов. Она посмотрела на Марка — не удивлённо и не с надеждой. Так смотрят на человека, которого долго ждали, а потом учились жить без него.

Марк почувствовал, как внутри что-то сжалось.

— Это Лида, — сказала мать. — Она пришла примерно час назад. Я не знала, что ответить, поэтому предложила подождать.

Лида не протянула руку.

— Здравствуй, Марк.

— Мы знакомы?

Она чуть помедлила.

— Для тебя — нет.

Мать взяла со стола чашку, хотя чайник ещё не вскипел.

— Я оставлю вас ненадолго. Буду на кухне.

Она вышла, но дверь за собой не закрыла. Марк понял: мать не собиралась исчезать совсем. Просто давала им возможность говорить, не делая вид, что не слышит.

— Вы сказали ей, что знаете меня? — спросил он.

— Да.

— И она вам поверила?

— Нет. И правильно сделала. Я не просила верить.

Лида произнесла это спокойно, но уставшим голосом. Не голосом человека, который пришёл победить в споре. Скорее голосом того, кто уже слишком много раз рассказывал одну и ту же историю людям, не знавшим, что с ней делать.

Марк остался стоять. Потом указал на кресло:

— Можно?

— Конечно.

Он сел, не снимая пальто. Лида снова сложила салфетку, хотя она и так была аккуратной.

— Я знаю, что ты меня не помнишь, — сказала она. — Знаю, что для тебя я незнакомка, которая заявляет, будто вы прожили вместе часть жизни. Мне бы тоже было трудно это услышать.

— Какую часть?

— Восемь лет.

Марк коротко усмехнулся, но смеха в этом не было.

- Восемь лет? Вы уверены, что не перепутали меня с кем-то?
- Уверена.
- Может, вы видели фотографию. Мама могла показать.
- Твоя мама не показывала мне фотографий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.